

— Извините, позвольте представиться, — сказал человек, одетый во всё чёрное, с головы до ног закутанный в плотную одежду, так что видны были только глаза. Взгляд их, ясный и открытый, казался чистым, но в глубине светился острый, пронзительный блеск.

Тан Юань с лёгкой досадой подумал, что перед ним очередной непростой клиент. — Осмелюсь спросить, почтенный герой, как к вам обращаться и какого вы пути придерживаетесь?

Вопрос был обычным для выяснения «пути» — мир делился на светлый и тёмный. Хотя в наше время такие определения стали условными: какой праведник не запятнал рук кровью, а какой разбойник не спасал хоть кого-нибудь?

— Прошу прощения, но не могу открыться, — ответил незнакомец.

— Ладно, не говорите. Я и так догадываюсь, — Тан Юань усмехнулся. В мире боевых искусств лишь немногие знали, где он сейчас остановился, а боевой стиль говорил сам за себя.

— Гость всегда желанен. Говорите, что хотите узнать? Один расклад — двадцать лянов серебра, без отсрочек.

— Хочу узнать, где находится одна вещь, — произнёс незнакомец, до этого момента сохранявший полное спокойствие, даже когда Тан Юань едва не отобрал у него оружие. Теперь же в голосе его проскользнула нотка нетерпения.

Тан Юань посмотрел на него, положил руку на гадальное знамя, но тут же убрал. — И что же это за вещь?

— Не сокровище и не оружие. Рождена устами князей и полководцев, а оказывается в руках торговцев и разносчиков. Способна изменить небеса и землю, но и принести великие бедствия, — ответил незнакомец.

Тан Юань приподнял бровь. — Ого! Судя по вашему описанию, вещь и впрямь необычная. Но чтобы вычислить такое, потребуется уйма сил. Невыгодно. Не стану гадать. — Однако рука его снова легла на древко знамени.

Незнакомец проигнорировал слова, но заметил этот жест. Говорили, что у Горького даоса нужно смотреть на руки: если держит знамя — будет гадать, если отпустит — ищи другого мастера.

— Тогда, по вашему мнению, какой должна быть эта вещь, чтобы вы согласились?

— На мой взгляд, эта вещь — не беда, но и не удача. Непригодна в руках, место в доме занимает, ни на лепёшку не обменяешь, ни богатства не принесёт, ни от беды не уберезёт, — Тан Юань покачал головой и сгустил краски, тяжело вздохнув. — Сущая обуза.

Очевидно, оба говорили об одном и том же, но Тан Юань не придавал этому значения, хотя мир почитал это сокровищем.

— Значит, вы знаете, где это находится? — настаивал незнакомец.

Тан Юань тут же замахал руками. — Эй, молодой человек, не болтайте лишнего! Я знаю, что это, но не ведаю, где оно. Вещь эта судьбою великою отмечена, нам, простым смертным, не под силу её вычислить.

— Горький даос, вы же недавно гадали на судьбу Трёх разбойников Меча. Они взялись украсть эту вещь, и в ночь их гибели она была при них. Неужели вы не знаете?

— Я гадал, что они умрут, но то было возмездие за их грехи. На лицах их лежала печать смерти, и конец их был нелёгок. Что случилось после — не ведаю. Может, кто-то сокровище унёс, а может, собаки дикие растащили. Следы той вещи ныне утеряны, и кто знает, какой удалец успел её прибрать. — Тан Юань нахмурился. В тот день он и вправду знал, что Три разбойника Меча несут при себе нечто ценное, и чувствовал, что судьба их обречена. Но в мире боевых искусств смерть — дело обычное, а Три разбойника были ворами знатными, врагов у них — не счесть. Потому он и не придумал тому особого значения.

Теперь же он задумался: не само ли сокровище стало причиной их гибели?

— Тогда, прошу вас, скажите, где оно?

Тан Юань взвесил всё в уме. Гадать на это — ни в коем случае. Обычные дела — дело одно, но с той поры, как погибли Три разбойника Меча, сокровище будто сквозь землю провалилось. Ясно, что его кто-то могущественный оберегает. Да и вещи такой судьбы великой несут в себе. Его же собственный жизненный путь слаб, он и себя-то едва удерживает, не то что такое бремя. Каждый взгляд в небесную тайну отнимает годы жизни. Он ещё молод, рано ему ради такого срок коротать.

— Не могу я ритуал проводить. У вашего Павильона Недеяния куда больше возможностей, чем у меня. Коли вы не отыскали, нечего на меня, гадалца, надеяться.

Незнакомец промолчал, понимая, что большего не добьётся. Бросил двадцать лянов и уже собрался уходить, но Горький даос остановил его. — Я на ваш вопрос не гадал, но могу сказать иное. Выйди отсюда, найди постоянный двор и оставайся там. Что бы ни случилось — за порог не выходи. Запомни.

Тан Юань поднял серебряный слиток, тщательно осмотрел, полновесный ли. В тот миг в воздухе прозвучал шум развевающейся одежды, и он бросил вслед:

— Приятель! В следующий раз ходи через дверь, а не по нашей сливе. Видать, лёгкое мастерство твоё листьев с неё все оббило.

Тан Юань, довольный заработком, сладко заснул, надеясь на добрые сны.

Но сны не оправдали надежд.

Приснилась ему маленькая башенка из детства.

Та башенка стояла не на краю города и не была сторожевой. Построили её ещё при прошлой династии для обозрения окрестностей, называлась тогда «Башней, Достающей до Звёзд». После смены власти новый император частенько там войска награждал, а в походы с ней воинов провожал. Потом, чтобы с прошлым не ассоциировалась, переименовали в «Маленькую башенку».

В детстве он часто забирался туда с другими отпрысками знатных семей. Иногда тайком проносили вина, и компания, любуясь видом, стихи сочиняла да песни пела. Тан Юань в этом не участвовал — пить не мог.

Он смотрел вдаль, на холмы за городом, мечтая о мире за воротами, о Долине Персикового

Цвета с её цветущими деревьями, о ледяных ветрах с Небесных Гор, о бурных водах Великой Реки.

Его судьба не была связана ни с маленькой башенкой, ни с императорским дворцом. Его судьба была в Поднебесной. Он вырвал свою жизнь из вод рек и озёр и не мог теперь оставаться в этой позолоченной клетке.

Когда приближался комендантский час, а друзья уже изрядно подвыпили, он вместе со слугами тащил их домой.

Нёс он на спине товарищей, пропахших вином, через шумный ночной рынок. Вокруг горели фонари, гудела толпа. Иногда пьяные что-то бормотали, а кто и песню заводил — и это совсем не казалось лишним среди всеобщего веселья.

Вспомнить — то была самая что ни на есть юная удаль.

Но в этом сне не было ни друзей, ни шумного рынка, ни далёких холмов. Лишь ветер гнал облака, и те, тяжёлые и грозные, нависали над ним, давя так, что не вздохнуть.

Оборачивается — а за ним стоит третий старейшина Усадьбы Восьми Ветров, тот самый, что пал от его руки. На лбу у старейшины алеет капля крови, и он, будто ожив, скалится и тянется к нему.

Тан Юань резко проснулся, весь в холодном поту. Давно ему такие сны не снились.

Третий старейшина Усадьбы Восьми Ветров, как и говорил Ван Чэнцян, был круглым дураком.

Тогда Тан Юань только вступал на путь воина, жаждал свершений. Старейшина же был пустышкой, выдвинувшейся благодаря предкам, сам ни на что не способный, но от того не менее наглый. Под предлогом обучения боевым искусствам он заманивал деревенских девушек, испытывал на них снадобья, а умерших выбрасывал как мусор.

Тан Юань не мог отказать, когда к нему, отчаявшись, приползли старики-родители, умоляя найти дочь. Вычислив, где та захоронена — а было то в пределах владений Усадьбы Восьми Ветров, — он отправился туда в одиночку требовать ответа.

Скотина-старейшина, уповая на мощь усадьбы, вёл себя вызывающе. Взбешённый Тан Юань прорвался сквозь стражу и убил его одним ударом, а уходя, бросил: «Десять лет — и Усадьбе Восьми Ветров придёт конец».

Этот глупец никогда не занимал его мыслей. И вот теперь явился во сне. Что сказать-то хотел? Неужто в преисподнюю утащить?

Авторская заметка:

Обещанный ежедневный выпуск _(`□□ <)_

Гадатели обычно верят, что сны несут некий смысл, и Тан Юань не исключение. Хотя он допускал, что сегодняшний сон мог быть просто от переизбытка событий.

<http://bllate.org/book/16265/1463498>